

СТАТЬИ

Г. Г. ЛИТАВРИН

ЕЩЕ РАЗ О ЗАНЯТИЯХ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛАВЯН НА БАЛКАНАХ В VI—VII вв.*

Тема данной статьи непосредственно связана с дискуссией, состоявшейся в августе 1986 г. за «круглым столом», посвященной проблемам истории древних славян, во время работы 17-го Международного конгресса византистов в Вашингтоне.

Основные впечатления от упомянутого заседания сводятся к следующему. Во-первых, еще раз довелось убедиться в чрезвычайной актуальности темы — проблема развития раннесредневекового славянского общества вызывает по-прежнему живой интерес ученых самых различных стран, в том числе неславянских. В частности, с рефератами на упомянутом «круглом столе» выступили византисты Греции, Англии, Франции, Австрии, Венгрии. Проявленный при этом интерес отражает, несомненно, состояние современной историографии по указанному вопросу: за последние десять лет она пополнилась фундаментальными коллективными и индивидуальными исследованиями по истории ранних славян. Назову хотя бы коллективные труды «Welt der Slawen» и «Jatrus-Krivina», изданные в Германии, работы П. Лемерля, Дж. Файна, И. Кодера, М. Вайтмана, Л. Вальдмюллера, Г. Диттена, Д. Крестена, Ф. Малингудиса, М. Нистазопулу-Пеликиду и др. (Я вполне сознательно не называю труды ученых славянских стран, чтобы подчеркнуть свою главную мысль.)

Во-вторых, сколь ни полезен был состоявшийся в Вашингтоне обмен мнениями, мне показалось несколько странным, что по вопросу об основных занятиях славян VI—VII вв. в ходе заседания «круглого стола» были вновь высказаны весьма противоречивые суждения, напоминающие споры столетней давности¹, когда еще не были осуществлены систематические, на высоком профессиональном уровне произведенные археологические изыскания ученых на всей территории, занятой славянами в VI—IX вв., и когда еще не были созданы учеными славянских стран капитальные труды на эту тему.

* Доклад прочитан в декабре 1987 г. в Бад-Хомбурге (ФРГ) на симпозиуме, посвященном проблемам истории славянских культур.

¹ Nystazopoulou-Pélékidou M. Les Slaves dans l'empire byzantin // The 17 th Intern. byz. Congress: Major Papers. N. Y., 1986. P. 345—367; ср.: Τσάρης Γ. Τὸ νόημα τοῦ «γρακώνας» στὰ Τακτικά Λέοντος στ' τοῦ Σοφοῦ // BYZANTINA. 1969. Τ. 1. Ρ. 137—157. Согласно Ж.-П. Ариньону, и «варяго-русы» в XI в. — «кочевые племена». См.: Arrignon J.-P. Les relations diplomatiques entre Byzance et la Russie de 860 à 1043 // RES. 1983. Vol. 55. P. 129—137 (видимо, автор придает термину «кочевники» некий особый смысл); ср.: Conte Fr. Les Slaves aux origines des civilisations d'Europe centrale et orientale. P., 1986. P. 41, 67, 72, 73, 117, 119 etc.

Расхождения историков славянских стран с учеными неславянских можно было бы охарактеризовать следующим образом. Исследователи-славяне несколько преувеличивают уровень развития древнеславянского общества в VI—VII вв., организованность и воинский потенциал славян, проявляют склонность датировать насколько возможно раньше время расселения славян на Балканском полуострове, продлевают на более значительный период, чем позволяют источники, время их независимого от империи существования, усматривают гораздо более существенные для Византии последствия славянских вторжений, чем это кажется допустимым. Позиция неславянских исследователей (особенно греческих) является обычно по всем этим пунктам прямо противоположной.

При всей корректности и коллегиальности развернувшейся в Вашингтоне дискуссии значительного успеха в сближении этих точек зрения достигнуто не было. Причин этого, как я полагаю, несколько. Во-первых, позиции спорящих сторон отягчены, по моему мнению, излишними (нередко эмоциональными) крайностями суждений. При этом крайности в мнениях одной стороны являются своего рода ответной реакцией на крайности другой. Во-вторых, огромная новая археологическая (и не только археологическая) литература на славянских языках остается, к сожалению, вне поля зрения ученых неславянских стран. В-третьих, стало нередким в научной литературе усвоение представлений авторов ранневизантийского общества о «варварском мире» в качестве адекватных действительности исторических свидетельств — своего рода континуитет позднеантичной историографической традиции в наши дни (общество «варваров» представало в восприятии византийских писателей односторонне отсталым и диким, поскольку у них не было государства, писаных законов, городов и «христианского благочестия»). Поэтому зачастую более пристальным вниманием западных византинистов пользуются не свидетельства авторов — современников VI—VII вв. (например, Маврикия или «Чудес св. Димитрия»), а более поздние сочинения IX—X вв. («Хронография» Феофана, «Тактика» Льва VI, труды Константина Багрянородного).

Поистине ключевым вопросом в понимании древнеславянского общества я считаю проблему выяснения основных видов хозяйственной деятельности славян.

Этот фактор не зависит от этнического происхождения народов — он в ту отдаленную эпоху целиком и полностью обуславливался природно-климатическими условиями, в соответствии с которыми были целесообразными либо охота и бортничество, либо земледелие, либо рыболовство и мореходство, либо пастушество, либо кочевое скотоводство, либо сочетание двух-трех видов занятий в качестве важнейших.

Уже одно это самое общее, ординарное и широко признанное положение ставит под вопрос всякую мысль о славянах как о народе, занятом пастушеством или кочевым скотоводством: насколько позволяют судить данные современной науки, славяне VI—VII вв., до начала их массового проникновения на Балканы, занимали лесостепные и лесные массивы Восточной Европы. В этой зоне, видимо, завершился их этногенез как особой этнической общности; в этой зоне, несомненно, сложились основные виды их хозяйственной деятельности, а в зависимости от нее — их жизненный распорядок, формы быта и общественной организации.

Переселения народов в IV—VII вв., скорее всего, никогда не совершались «вслепую» — в неведомое. Кочевники, двигаясь на Запад, неизменно обосновывались в Паннонии или в Малой Скифии (Добрудже). Именно там они могли сохранить свой привычный хозяйственный распорядок и естественные для них формы быта. Вряд ли славяне — лесные охотники восточноевропейского нечерноземья добровольно переселялись на куль-

тивлируемые земли империи в конце VI—VII в. Правда, к неведомому ранее славянам морю они вышли и на юге и на севере уже в конце VI в., но и морским-рыболовством и мореходством они занялись лишь несколькими десятилетиями позднее (во второй четверти VII столетия). Горы (а речь может идти только о Карпатах) стали играть какую-то роль в жизни славян в эпоху переселения и только временно. Полагают, что часть славян, переходивших Карпаты или в течение какого-то срока проживавших в их предгорьях, могла обратиться (я полагаю временно) к пастушеству (В. Д. Королюк)², как впоследствии часть их могла так же поступить и в своем многолетнем движении на юг через горный Иллирик (И. Кодер)³. Это вполне вероятно. Советская исследовательница-археолог С. А. Плетнева показала, что в зависимости от резко изменившихся условий жизни полукочевые коллективы, становившиеся на путь оседлости, могли снова вернуться к исключительно кочевому образу жизни (к стадии «нашествия» по ее терминологии⁴). Могли и славяне, приспособившись к обстоятельствам, переносить центр тяжести своих занятий с одного их вида на другой, более рентабельный. Но в любом случае ни пастушество, ни кочевое скотоводство не становились, как кажется, никогда основным родом деятельности массы славянства. Первое невозможно без налаженного торгового обмена с земледельческим населением, без длительного опыта освоения альпийских лугов и протяженных сезонных трасс перегона скота (из долин в горы и из гор в долины), второе немыслимо вне обширных, а именно южночерноморских или прикаспийских, степей, где следы славян, однако, не зафиксированы ни в VI, ни в IX в. и где в эту пору хозяйничали подлинно кочевые народы (иранские, гуннские, тюркские племена: авары, протоболгары, узы, печенеги и др.).

Однако все это лишь общие соображения. Обратимся к источникам VI—VII вв., напомним хотя бы кратко важнейшие на этот счет свидетельства. Маврикий в своем «Стратегиконе» говорит о копнах проса и запасах продовольствия, которыми располагали славяне левобережья Нижнего Дуная на рубеже VI—VII вв. и которые полководец рекомендовал вывозить в качестве добычи из земли славян с помощью судов и вьючных животных⁵. В расчете на эти запасы Маврикий осенью 602 г. повелел воинам дунайского рубежа зимовать в земле славян, снабжая себя продовольствием за их счет, чем и вызвал известное восстание, приведшее к свержению и гибели императора и к падению северного, дунайского лимеса империи⁶. Всем хорошо известны также данные «Чудес св. Димитрия» о том, что жители Фессалоники в 678 г. закупали у велегезитов Фессалии зерно, бобовые и сушеные фрукты⁷.

Трудно допустить, что славяне, если бы они были кочевниками, едва поселившись несколько десятилетий назад на землях империи, сумели столь быстро освоить — только под влиянием автохтонов — их агрикультуру и в 70-х годах VII в. смогли производить значительный излишек сельскохозяйственных продуктов, обращаемый на продажу. Оседание кочевников на землю и переход их к земледелию — чрезвычайно длитель-

² Королюк В. Д. Пастушество у славян в первом тысячелетии нашей эры и перемещение их в Подунавье и на Балканы: Славяне и волохи: (Попытка реконструкции по письменным источникам) // Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978. С. 177—198.

³ Koder J. Zur Frage der slawischen Siedlungsgebiete im Mittelalterlichen Griechenland // BZ. 1978. Bd. 71 (2). S. 315—331.

⁴ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 14 и след., 35 и след.

⁵ Гръцки извори за българската история. С., 1958. Т. 2. С. 281—282, 286. (Далее: ГИВИ).

⁶ Там же. С. 355 (Феофилакт Симокатта).

⁷ Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. P., 1979. Vol. 1: Le texte. P. 214.9—13, 218.1—2, 254, 268.

ный и мучительный процесс, как свидетельствует об этом множество исторических примеров. Так, византийцам в XI—XII вв. не удалось расселить в качестве постоянных поселенцев в Южной и Средней Македонии плененные орды печенегов, а затем половцев, а тем более заставить их заниматься земледельческим трудом. Протоболгары действительно скоро, через век-полтора, стали оседлым населением под давлением обстоятельств и под влиянием славян, но, осев, они перестали быть тюрками, растворились в славянской среде.

Эвериты и милинги на Пелопоннесе были подчинены в IX в., после их неудачного восстания, но смирились они только после того, как византийский полководец сжег урожай их полей на корню⁸. Если бы они занялись агрикультурой лишь недавно, под влиянием местного населения, обладая до этого высокими навыками в основном в инородного рода деятельности (например, в охоте на горах Тайгета или в пастушестве там же), вряд ли гибель своих посевов была воспринята славянами как катастрофа.

Упомяну лишь мельком о том, что и лингвисты не находят оправдания сохранению в науке старого тезиса об исконном кочевничестве славян. Ф. Малингудис показал, что древнейший пласт славянской лексики свидетельствует о славянах как о земледельческом народе; микротопонимия Пелопоннеса, восходящая к славянам, поселившимся здесь в конце VI—VII в., говорит о том же⁹. Представляется интересным вывод греческого ученого, что уровень славянской агротехники и земледельческого инвентаря отнюдь не всегда уступал провинциальному византийскому: во всяком случае, вполне вероятно, что какой-то вид славянской бороны был заимствован (вместе с самим этим понятием) местными греками¹⁰.

Конечно, в целом уровень ранневизантийской агрикультуры был несопоставим со славянским. По данным «Чудес св. Димитрия», славяне в своих набегах на землю империи в VII в. уносили в качестве добычи также сельскохозяйственные орудия¹¹: преимущества этих орудий, следовательно, были очевидны и для славян, но они забирали их, разумеется, не для того, чтобы «перековать в мечи», а чтобы использовать по назначению.

Было бы слишком долго и излишне (нужно попросту обратиться к соответствующим публикациям) ссылаться на результаты раскопок археологов; здесь выводы, основанные на обильных материалах раскопок, как правило, вполне определены: селища славян конца VI—VII в. — неизменно земледельческие поселения. Укажу лишь на раскопки 1970-х годов в Южной Добрудже, где обнаружено славянское поселение начала VII в., которое по множеству находок земледельческих орудий и других атрибутов земледельческого быта археологи определили как важный центр сельскохозяйственного производства в течение всего существования Первого Болгарского царства¹².

⁸ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Ed. Gy. Moravcsik, R. H. Jenkins. Wash., 1967. P. 234.43. Ср. о славянах на Пелопоннесе: *Литаврин Г. Г.* Из комментария к 49-й главе труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» // *BYZANTINA*. 1985. Т. 13. P. 1349—1353; *Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, пер., коммент.* М., 1989. С. 427—440.

⁹ *Malingoudis Ph.* Toponymy and History: Observations concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese // *Cyrrilomethodianum*. Thessaloniki, 1983. Т. VII. P. 99—111; ср.: *Дуриданов И.* Заселяването на славяните в Горна Мизия по даните на топонимията // *Славянска филология*. С., 1983. Т. 17. P. 223—230.

¹⁰ *Малингудис Ф.* Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии // *ВВ*. 1987. Т. 48. С. 44—52.

¹¹ *Lemerle P.* Les plus anciens recueils. . . 1. P. 185.35—36, 198.

¹² *Michailov S., Dončeva-Petkova L., Toptanov D.* Fouilles archéologiques près du village Odarci, département de Tolboukcine (Bulgarie) au cours des années 1971—1977 (partie orientale) // *Slavia antiqua*. 1980. Vol. XXVII. P. 119—171; *Въжарова Ж.*

Сходное заключение сделали югославские археологи для славянских поселений по Дрину и Мораве, а также для всего района между Моравой и Тимоком, а польские археологи — для района с. Дебреште в Македонии (близ древней торговой артерии *Via Egnatia*)¹³.

Дело, однако, не только в этих фактах. Сколь ни неразвито было славянское общество того времени сравнительно с византийским, оно представляло собой определенную структуру, основным системообразующим элементом которого являлись прежде всего оседлые поселения, жители которых были заняты земледелием и разведением домашних животных, пасущихся на лежащих близ деревень пастбищах. Все элементы данной системы соответствовали этому главному структурному фактору: и жилища (полуземлянки), возникшие, несомненно, как рациональное жилье в условиях суровой зимы и совершенно чуждые кочевникам, и орудия труда, и обилие утвари из дерева и глины, и воинская тактика, ориентированная на пеший рукопашный бой, которого избегали кочевники, и привычка укрываться от врагов в лесу, который страшил кочевые народы, и т. д. и т. п. Мы убеждены в том, что любые попытки судить об организации славянских поселений и об общественном строе славян останутся совершенно бесплодными, пока не будет полностью осознан тот факт, что славяне (во всяком случае, подавляющее их большинство) вышли на арену истории, уже будучи оседлыми, занятыми сельским хозяйством жителями Европы. Эпоха Великого переселения в их истории — не переход от кочевничества к оседлости, а эпизод — смена мест расселения в силу глубоких внутренних мотивов развития славянского общества, одним из которых была потребность в новых землях, на которых они стремились продолжать свою прежнюю хозяйственную деятельность.

Именно земледельческий, оседлый быт обуславливал формы общественной организации древних славян. Занятие сельскохозяйственным трудом в условиях, когда возникли поселения, состоящие из десятка и более сельских дворов, организация землепользования, сезонных пахотных работ, выделения пастбищ и лугов и т. п. — все это невозможно без регулирующих производственные циклы правил, устанавливаемых путем общего согласия поселян, невозможно вне общины. Деревенская община как сообщество соседей — не выдумка славянофилов и не податная организация, создаваемая государственной властью, а естественноисторически возникший институт деревенских жителей, регулирующий порядок землепользования, внутренние дела поселения и его отношения с соседними общинами¹⁴.

Советские археологи на основе изучения материалов раскопок славянских поселений VI—начала VII в. в Поднепровье и в Попрутье пришли к выводу, что в это время совершался процесс перехода от патриархальной, родовой общины (для которой была характерна большая, или братская, семья) к общине соседской. Переходная стадия проявилась в возникновении группы индивидуальных, предназначенных каждый для малой семьи домов, расположенных вокруг еще сохранявшегося в общем пользовании хозяйственного подворья¹⁵.

Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI до IX в. на територията на България. С., 1976.

¹³ *Fine J. V.* The Early Medieval Balkans: Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Univ. of Michigan Press, 1983. P. 38, 39; *Hensel W., Rauchutova J.* Archaeological Research at Debrešte (Macedonia), 1974—1978 // *Archaeologia Polona*. 1981. Т. XX. P. 191—225.

¹⁴ Дискуссию об этом см.: *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство X—XI вв. М., 1977. С. 7—42.

¹⁵ *Баран В. Д.* Раннесредневековые древности славян Юго-Восточной Европы // Тез. докл. сов. делегации на V Международном конгрессе славянской археологии.

Сколь велики были общины, мы, однако, не знаем. Но, уже по данным Маврикия, известно, что вдоль северных притоков Дуная имелись в конце VI в. крупные славянские села, между которыми были небольшие расстояния и нападение на которые сулило удачливому полководцу большую добычу и многочисленных пленников¹⁶.

Недостаточно знаем мы и о том, сколь велики были племена славян и их племенные союзы, сколь долго эти союзы существовали, были ли среди них относительно постоянные, можем ли мы уверенно рассматривать такие славянские образования, как «Семь родов», северы, драгувиты, берзиты, сагудаты, ваюниты и т. д., в качестве племен или в качестве союзов племен.

Было бы тем не менее невозможно оспорить тот факт, что известные по названиям племенные организации славян обладали значительной численностью, являлись серьезной военной силой, что в полной мере не раз обнаруживалось в их отношениях с аварами, империей и протоболгарами.

Племенные организации славян (славинии) обладали какой-то мало нам известной, но достаточно устойчивой структурой. Во главе их стояли вожди-князья (архонты и рексы византийских источников). Весь ход событий VI—VII вв. позволяет заключить, что действия славян против империи имели ясно различимые черты организованности — и во время временных нападений, и при захвате и доставке в свои поселения воинской добычи, и особенно во время прочного заселения византийских земель. Источники не извещают ни об одном остром столкновении славянских племен друг с другом при расселении их в том или ином районе. Создается впечатление о предварительном разделе занимаемых славянами земель, о достигнутом заранее между ними на этот счет соглашении. Характерно, что каждое славянское племя (или союз племен) не меняло мест своего расселения, оставаясь веками в том районе, в котором поселилось изначально (лишнее, на наш взгляд, доказательство оседлости славян, привычной для них еще до переселения).

Термин «Славиния», впервые возникший как результат словотворчества византийских чиновников и книжников, употреблялся в двух разных значениях в первой четверти VII в., как мы уже неоднократно старались показать; он указывал не только на место расселения славян того или иного племени или союза или вообще славян (в таком случае термин употреблялся в источниках, как правило, в единственном числе — славиния), но и на определенную социально-политическую организацию (в этих случаях византийские авторы использовали термин обычно во множественном числе)¹⁷.

Наиболее удобно обосновать этот тезис на примере славиний эзеритов, милингов, берзитов, северов и «Семи родов».

Эзериты и милинги — именно благодаря своей внутренней организации — сумели столь долго (по крайней мере, 250 лет) сохранять свою автономию, а затем состояние полузависимости (окончательно они были покорены только в конце 1-й четверти X в.). Причем неоднократно они отстаивали свою свободу с оружием в руках.

М., 1985. С. 3—4; ср.: *Jatrus-Krivina*. В., 1986; *Антонова В.* Славянское селище в аула на хан Омуртаг при Чаталар от VII—VIII в. // Сб. в памет на проф. Станчо Ваклинов. С., 1984. С. 106—114; *Иванова О. В., Литавин Г. Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах, VI—XII вв. М., 1985. С. 98. ГИИ. Т. 2. С. 282, 286, 287.

¹⁷ *Литавин Г. Г.* Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 193—203.

О берзитах, живущих в Фессалии, известно, что в 799 г. силы их князя Акамира по замыслу заговорщиков должны были сыграть главную роль в свержении императрицы Ирины и восстановлении на престоле империи ссыльных сыновей Константина V¹⁸. И эта славиния продолжала существовать, таким образом, в глубине византийской территории, по крайней мере, около 200 лет после ее здесь появления.

Не менее интересны данные о славинии северов, участвовавших в соглашении с протоболгарами Аспаруха в 680 г., подчинившихся его власти, обязавшихся охранять от византийских нападений проходы в Болгарию с юга между морем и восточными отрогами Стара Планины, но сохранивших внутреннюю автономию в пределах Первого Болгарского царства. Князь северов Славун почти столетие спустя после прихода Аспаруха, в 764—767 гг. (точная дата остается дискуссионной), осмеливался на самостоятельные военные действия против империи в Северной Фракии, вступая при этом в воинские соглашения с отрядами местных повстанцев («скамаров»), недовольных властью Константинополя¹⁹.

Особенно примечательна, однако, история союза «Семь родов». Мы считаем справедливой догадку, что, выступая в роли главного славянского объединения между Дунаем и Стара Планиной, вступившего в договорные отношения с Аспарухом, союз «Семь родов» одновременно внушал опасения и самому протоболгарскому хану²⁰. Именно поэтому он переселил славян этого союза, отделив от него северов, столь далеко на запад, на границу с аварами, в долину р. Тимок. В результате союз был ослаблен, утратил единство и потерял свое название «Семь родов». В начале IX в. славяне этих мест выступали как особая славиния с новым наименованием — «тимочане». Данные о том, что они сохранились как социально-политическая организация славян (славиния) несомненны: они сохраняли полуавтономию в составе Болгарии, находились под непосредственным управлением собственной знати, которая в 818 г., будучи недовольной централизаторской политикой хана Омуртага, завязала дипломатические отношения сначала с Людовиком Благочестивым, а затем с посавским князем Людевитом и почти на 10 лет покинула Болгарское государство²¹.

Все сказанное выше позволяет, по нашему мнению, поддерживать тезис о том, что славинии, по всей вероятности, повсюду в славянском мире представляли собой стадияльно закономерный общественный институт — протогосударство. Как известно, Константин Багрянородный говорил об их существовании в IX—X вв. и в сербохорватских землях, и на территории Древнерусского государства²². Дальнейшее развитие славиний привело к возникновению сербских и хорватских княжеств в IX в., тогда как в Болгарии и в пределах Византии эволюция славиний шла по пути превращения их — через промежуточные полуавтономные образования «архонтии» — в административные районы (клисурь, банды и фемы) в уже существующих государствах, на территории которых они располагались. На Руси процесс укрепления центральной власти привел к ликвидации княжеств-славиний, иногда с помощью военной силы.

Изучение истории древних славян целесообразно, по-видимому, сосредоточить на изучении славиний как гомогенных общественных систем, свойственных древним славянам в догосударственную и дохристианскую эпоху.

¹⁸ ГИВИ. С., 1960. Т. 3. С. 278 (Феофан).

¹⁹ Там же. С. 272 (Феофан).

²⁰ Ditten H. Zum Verhältniss zwischen Protobulgaren und Slawen vom Ende des 7. Jh. bis zum Anfang des 9. Jh. // Сб. в памет на проф. Станчо Ваклинов. С. 23—33.

²¹ Литаврин Г. Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII—начало XI в.) // Раннефеодальные государства. . . С. 159.

²² Const. Porph. De adm. imp. Cap. 9, 10, 107; 28, 19; 29, 68; 30, 94.